

ТЕМА и вариации

Белла АХМАДУЛИНА

СУДЬБУ НЕ ВЫБИРАЮТ

— ПОШУТИЛА как-то при одном журналисте: я в душе сенбернар, а на сцене Сара Бернар. А он все перепутал и в газете написал наоборот, — рассказывает Белла Ахмадулина. — Это, конечно, я не в назидание вам, а просто к тому, чтобы в материале, пожалуй, было как можно меньше меня, а больше всего остального.

Ну вот, пожмет плечами иной проницательный читатель, пробежав проницательными глазами первую фразу. Опять! Опять кокетство, в простоте и словеске не молвит. Этот читатель, видно, из тех, кто считает Ахмадулину манерной, вычурной, капризной, стихи ее — камерными, ограниченными, заунывыми. Упреки не новы. Уже много лет, пожалуй, с первого сборника «Струна», они стали как бы признаком хорошего тона, непременной принадлежностью даже самых хвалебных статей о поэте (язык не поворачивается назвать ее поэтессой). Челка, голос, манера читать нараспев свои строки, слава, обретенная в многотысячных аудиториях, — «имидж», идущий из шестидесятых годов, порой заслоняет главное в Ахмадулиной, о чем ей сказано просто, сильно, кратко: «нерасторжимы словесность и совесть».

В книге Лидии Гинзбург «О старом и новом» есть рассуждения, касающиеся сходства или несходства поэта со своими стихами. Думаю, Ахмадулина очень схожа с тем, что она пишет. Стихи для нее — опять же способ совести. А «способ совести избран уже и теперь от меня не зависит», говорит она, как бы отвечая на все прошлые, настоящие и будущие упреки.

НЕ ТАК давно в Ленинграде после выступления к Белле Ахатовне подошел человек. Оттеснив жаждущих получить автографы, он шепнул ей на ухо несколько слов, от которых она «просто похолодела»...

Этот ленинградский инженер по служебным делам отправился в город Брежнев. Как и было задумано, в конце командировки он ранним осенним утром плывет на ракете в Елабугу, благо она рядом. Было желание и поручение возложить венки там, где похоронена Цветаева. Венки и ленту с надписью «Марине Цветаевой от ленинградцев» нужно еще заказать. В похоронном бюро инженер случайно узнает: недавно умер столяр, делавший гроб для Цветаевой, и в тот же день — случайно — знакомится с молодой женщиной. «Вы из Ленинграда? Я родственница того, кто делал гроб для Цветаевой. Перед смертью показывая: когда хоронили ее, он взял из ее фартука маленький предмет, — и она протянула крошечный блокнот в сафьяновом переплете, в который был вставлен карандашик...

На следующий день блокнот был вручен Ахмадулиной. Некоторое время он хранился у нее, а потом по усмотрению Анастасии Ивановны Цветаевой был передан Льву Мнухину, известному подвижнику будущего музея Цветаевой в Москве.

На переплете блокнота вытеснены лилии. Те, кто знал Марину Ивановну, в их числе Владимир Брониславович Сосинский, удостоверят, что лилии эти очень много для нее значили. Музейные работники и другие сведущие люди тщательно рассматривали блокнот под лупой. Уда-

лось разглядеть одно-единственное слово — Мордовия, неотчетливо написанное рукой не Марины Ивановны. Об этом случайном слове предстоит еще думать тем, кто занимается творчеством и судьбой поэта.

Самый важный сюжет сейчас для Ахмадулиной и, конечно, для многих из нас — «Музей Цветаевой». Мы ждем скорейшего открытия этого музея в Москве в Борисоглебском переулке.

ВОПРОС, стоящий в основном из цитат. «Времена не выбирают, в них живут и умирают», — сказал поэт. А если бы был выбор, что предпочла бы Ахмадулина? Мы располагаем противоречивыми сведениями на этот счет. Б. Ахмадулина: «Я старый глагол в современной обложке». П. Антокольский: поэзия ее проникнута «постоянно бодрствующим чувством времени, истории, своего служения людям». Так что бы все-таки выбрала Ахмадулина?

— Слава богу, выбирать не приходится. Хотя относиться к себе весьма строго, без лишнего внимания и упования, — разъясняет вслух Белла Ахатовна, — но все-таки не могу себя столь случайным человеком полагать. Правильно я родилась — 10 апреля 1937 года. День моего рождения не может быть для меня неважным. И год рождения не может быть неважным — все-таки кто-то родился, выжил, уцелел. Потом была война, всеобщее бедствие, смерть. И я чуть не умерла в эвакуации в Казани. Но ведь кто-то меня накормил в ущерб себе и своим детям, кто-то ел. Я, собственно, даже знаю, кто, но отношу это спасение ко всему великодушному человечеству.

Нет-нет, правильно я родилась. А, впрочем, на ваш вопрос я уже давно ответила. Можно себя цитировать? «Плоть от плоти сограждан усталых, хорошо, что в их длинном строю в магазинах, в кино, на вокзалах я последнюю в кассу стою — позади паренюх удалого и старухи в пуховом платке, слившись с ними, как слово и слово на моем и на их языке».

ВАШИ творческие планы не входят задать мне и такой вопрос: а не скучаете ли вы по своей молодости? — Ахмадулина, улыбаясь, смотрит на меня. — Тогда я сама себя спрошу и сама отвечу: никогда! Думаю, жизнь мне дана для того, чтобы улучшаться. То есть, конечно, я никогда ничего преднамеренно не делала, и, быть может, в ту пору большие эстрадные выступления, соотношение с огромным количеством публики были для меня естественным путем. В знаменитые шестидесятые, когда был угол между временем и временем, люди ждали быстрого ответа. Прозаики еще либо не написали, либо не успели напечатать, и тогда выходили на сцену поэты. Ну что это я разглазговала о вещах, слишком хорошо известных. Не думайте, что оправдываюсь, полагаю, что и в молодые годы не так уж сильно провинилась. Просто на это ушла уйма невозвратного времени. А у меня никогда не совпадало писать и выступать.

— Но вы ведь и сейчас продолжаете выступать. Это, наверное, просто входит в ваше художественное устройство, наконец в каком-то смысле в профессиональную деятельность.

— Когда стою на сцене, то понимаю это. Но когда передо мной лист бумаги, я этого боюсь и не хочу. Выступаю теперь реже и, думаю, немного иначе, с совершенной доверительностью к публике. Во внимательных и взыскательных слушателях узнаю пристальных и проницательных читателей. Знаю, что люди нуждаются в ободрении, утешении, в человеческом слове. Да и сам голос — изъятие души. Книг не хватает, и глаз, наверное, не хватает, в которые можно было бы посмотреть. А я все-таки надеюсь, что в мои глаза можно смотреть, а главное — я смею поднять их на людей.

— Белла Ахатовна, вы имели в виду эстрадные выступления, когда в одном из интервью сказали, что А. Кушнеру и О. Чухонцеву меньше пришлось исправляться, чем вам, они были внутренне чище в отношении слова?

— Заметьте: я не делаю из этих имен гарнитура мебели. Каждый из них мною нежно любим. Да, действительно, они не предавались искушению сценической деятельности. И потом, считаю Кушнера и Чухонцева замечательными поэтами, замечательными людьми. Полагаю, что у них не было и нет никаких художественных да и просто человеческих грехов.

— Ну, а теперь, пользуясь вашей терминологией, вам удалось окончательно исправиться?

— Вообще-то я получилась стала. И в молодости всегда старалась соблюдать чистоту слова, но многое меня тогда отвлекало. Сейчас твердо знаю — дело поэта

сидеть за столом. Правда, я могу думать и в очереди. Ведь и в толчее близлежащего Новозарбатского гастронома я думаю о своем. Но и заботы и печали моих соседей по очереди, да и по месту на земле мне не вчуже. Раньше всегда была беспечна к изданию книг. Но полагаю, моя будущая книга составлена наиболее тщательно и опрятно.

— Читая ваши стихотворные подборки в периодике (благо на них был щедр нынешний год), слушая устные выступления, я думала вот о чем. Вопреки завету горячо любимого вами Бориса Пастернака — с годами нельзя не впасть, «как в ересь, в неслыханную простоту» — ваша поэзия становится все более сложной. Стихотворение не дается с первого прочтения или прослушивания, к нему нужно возвращаться вновь и вновь, и только тогда открывается смысл.

— Разве? А мне кажется, я стала гораздо проще. Здесь дело, наверное, в другом. На меня очень влияет тот факт, что наша читающая и слушающая публика стала намного тоньше. Я это все время сильно ощущаю. Для такого взлета было очень много сделано. Когда я начинала, не выходили книги Цветаевой, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. А только за последнее время нам подарили «Воздушные пути» Бориса Леонидовича, затем его двухтомник. Как же это может не сказаться на общем состоянии умов, на интеллектуальном, душевном и человеческом развитии? Жаль, что книги эти труднодостижимы для людей, но счастье, что они есть.

— Через всю вашу последнюю книгу «Тайна» проходит сложный образ сада. Похоже, он вам очень дорог. Сад — корень многих словесных произрастаний, символ цветения, чистоты, наконец, награды. К одному из стихотворений вы эпиграфом ставите цветаевские строки «За этот ад, за этот бред пошли мне сад на старость лет». Тут все ясно, объяснения не нужны. Но само стихотворение «Сад-всадник», о котором речь, показалось мне странным — в первую очередь своей откровенной близостью к «Лесному царю» Гёте.

— Просто оно написано в Тарусе под сильнейшим влиянием как бы присутствия самой Цветаевой и ее эссе «Два «Лесных царя». В нем Марина Ивановна, про нее не скажешь — рассуждает, скорее, волшебствует, соотносит текст Гёте и перевод Жуковского. Совершенное чудо, быть может, не меньшее, чем сам «Лесной царь». Между блистательным эссе и моим стихотворением — прямая связь.

А сад мне и впрямь очень дорог, это вы верно подметили. Моя новая книга, которая скоро выйдет в «Советском писателе», так и называется. Название выбирала долго. «Сад» — как бы собственность А. Битова. Но Андрею Георгиевичу не жалко. Пусть будет сад, сказал он, а я с любовью и благодарностью посвятила ему стихотворение. Новая книга, мне кажется, должна соответствовать тому, чем я занимаюсь в последнее время. Преднамеренно скромное оформление «Сада», как и последних моих сборников, принадлежит художнику Борису Мессереру. Его художественное и человеческое соучастие в моей жизни для меня бесценно.

ПОЭЗИЯ Ахмадулиной будто соткана из воздуха, фантазии, чего-то высокого и неземного. Но вот открываем книгу. Если читаем внимательно, то находим точное соответствие «реалиям» времени, места, всей нашей жизни. Спросите поэта: почему так описана луна, скажем, «на склоне дня весны двадцать второго» (ожидая, разумеется, услышать некие символические, туманные рассуждения). Вам ответят просто: да потому, что тогда она именно такая и была.

Ахмадулина очень зависит от пространства, его «реальности», «милости», «строгости» (это заметно по стихам, вошедшим в последний сборник). Но диктант пространства касается уже не только творчества, но и самой жизни. Коренной москвичке трудно сосредоточиться, работать в Москве. Хорошо пишется в Переделкине, Ленинграде и его окрестностях, Карелии, Иванове. Но есть два особенных для Ахмадулиной места на земле.

В тот тяжкий и горький в ее жизни 1980 год (много смерти, много печали, казалось, все кончено и даже не было сил встречать Новый год) судьба, зная свое, предпослала Тарусу. Жилье было снято на улице, где прежде находилось кладбище. На нем хотела быть похоронена Марина Цветаева. Места эти описаны ею в рассказе «Кирилловские». Все это влияло сильно и спасительно. Друзья Ахмадулиной шутят: нет ни одного дерева, куста, окрестной деревни, нет ни одного столба по дороге в Паршино, не воспетых ею не-

однократно. Собственно, почти все стихи, составившие «Тайну», написаны здесь. Затем был надолго облюбован Дом творчества неподалеку от Тарусы. Но, наверное, Белла Ахатовна не сможет сюда больше приезжать — умерла чудесная женщина, сестра-хозяйка дома Наталья Ивановна Андреева. Без нее дом пуст...

Ахмадулину, по ее словам, нужно видеть (а я видела) на проспекте Руставели, дабы понять, что для нее Грузия. «Меня терзали жизнь, нужда, страх поутру, что всё сначала. Но Грузия меня всегда звала к себе и выручала», — сказано в стихотворении, посвященном Ги Мамгулашвили, другу, составителю и вдохновителю двух наиболее пока полных изданий Б. Ахмадулиной. «Сны о Грузии» — дань «тому краю прелестному», где все изначально музыкально одарены, где называют поэтов по имени, где при имени Галактион (имеется в виду Галактион Табидзе) все встают. Любимому журналу Ахмадулиной «Литературная Грузия» скоро исполнится тридцать лет, но они ровесники в том смысле, что вот уже три десятилетия, как там печатаются ее стихи. Недавно она вернулась из Тбилиси. Думаю, что скоро полетит туда снова, благо есть повод: Ахмадулина переводит теперь Тициана Табидзе. Впрочем, и повода особого не нужно. Много лет назад сразу после новогоднего бала, в вечернем платье села в самолет — и вот Тбилиси. Что случилось? — спрашивают друзья. Отвечает: соскучилась...

НАЧАЛО поэтической деятельности Ахмадулиной — хорошая иллюстрация к расхожему штампу «она не вошла в литературу, а ворвалась в нее», Евг. Винокуров, И. Сельвинский, С. Щипачев (его участие для Беллы Ахмадулиной особенно трогательно, потому что он принадлежит к совсем иному художественному направлению), наконец, П. Антокольский, до последнего дня своей жизни хлопотавший в издательствах за свою любимую ученицу; сама-то она не болсно заботилась об издании своих книг, — все эти люди очень помогали ей, пестовали юное дарование.

— Да, но я знаю, — говорит Белла Ахатовна, — как трудно, когда тебя не печатают. Высоцкого не печатали, и это было чем-то причиняющим ему непрерывную боль. Теперь много делается для того, чтобы его стихи были скорее доведены до читателей. В бумагах Высоцкого видно, как он работал над словом. У него много вариантов одной строки, он истинный подвижник именно литературного дела. Почему мы не можем это признать? Владимир Высоцкий — постоянная боль. Но мысль о нем должна быть счастливой. 25 января — день его рождения, наступит раньше, чем 25 июля, день смерти. Мы должны радоваться, что этот человек родился, а все остальное как-нибудь разберется.

Для того чтобы люди были утешны в своей разлуке с Владимиром Высоцким, многое сейчас делается. В фирме «Мелодия» выходят пластинки, которые составляют альбом. Будет звучать голос Владимира Семеновича, артисты — сподвижники и друзья А. Демидова, В. Золотухин, А. Филатов, В. Смехов — замечательно читают его стихи. Я написала небольшое предисловие. На телевидении готовятся два документальных фильма о Высоцком. Один снимает Э. Рязанов, второй — Г. Крымова. И еще утешительность — должны увидеть свет два сборника в издательствах «Советский писатель» и «Книга», куда войдут стихи поэта, воспоминания о нем. Хочется соотносить мою непрекращающуюся мысль о Высоцком с молодыми литераторами. Он сам предводитель своей судьбы. С такими людьми никаких случайностей не бывает, все не случайно, все предопределено, — и жизнь, и смерть. Но все же. Есть у нас печальные уроки. И, может быть, кто-нибудь когда-нибудь спохватится: расточительность того, что мы делаем, будь то исчезающие памятники культуры, пагубное обращение с русским языком или небрежное отношение к талантам, обращается национальной трагедией.

Мне неинтересны те молодые авторы, которые только и мечтают о том, чтобы опубликоваться. Этим займутся другие. Но меня очень волнуют те, кто не имеет лишней прыти, лишней резвости. А не печататься, я уже говорила об этом, конечно, тяжело.

Особенно больно переживаю судьбу ленинградского поэта Елены Шварц. Ее дарование кажется мне исклчительно. Между тем у нее непечатано только три стихотворения в сборнике «Круг». Сколько я знаю, издательские работники относились и относятся к этому поэту неосторожно и невнимательно. Ленинградское от-

деление издательства «Советский писатель» попросило у Елены рукопись. Добродушно вмешивался Даниил Александрович Гранин, звонил в издательство, но рукопись была возвращена автору без всякого объяснения. А она — только талант, только хрупкость, только ранимость.

Позволю себе небольшое отступление. Много лет назад в «Литературной газете» было опубликовано мое стихотворение «Маленькие самолеты». Им были многие недовольны, журнал «Крокодил» потешался над ним. А возникло стихотворение, видимо, еще тогда, когда я во время войны из бомбоубежища увидела маленький самолет. На нем скрестились лучи, а дальше все горело, что самолет сбил, и мне его было страшно жалко. Ощущение ребенка, который жалеет нечто маленькое, беззащитное. Многие говорят: не люблю, когда меня жалеют. А я думаю: человек очень нуждается в жалости и сострадании. Не угнетение, не поучание, не именно поощрение жалостью, любовью, глазами, лицом.

Господи, думаю я. Если бы нам немножко милосердия, жалости, сострадания друг к другу, и очень много бы мы все выиграли. Это бы и на хозяйстве сказалося, и на речи нашей, и, главное, на той драгоценности, которую нам никак нельзя терять. Я имею в виду умы и таланты людей, которые приходятся нам современниками, соотечественниками.

КОМУ-ТО не хватает еды, одежды, торшеров, сервантов. А кому-то — книг. И знаете, — считает Белла Ахатовна, — мне больше жалко тех, кому не достает простого житейского блага. Судьба людей, ищущих утешения в искусстве, гораздо более утешительна. Меня никогда не интересовало благоденствие, но мне оно интересно в ином смысле: у наших сограждан должно быть то, что им нужно. И в этом нет ничего низменного. У меня нет и не было преимуществ перед моими современниками — так же, как они, хожу в магазины, стою в очередях. Но много других преимуществ: я умела любить и всегда находила отклик. Нянйка моя часто повторяет — ты поторокая. Но зато в руку, протянутую для дарения, так и сыплются дары, только бери, ликуй, наслаждайся. Могла бы лично, скажем, не зная Кушнера, Чухонцева, Окунджаву, Высоцкого. С меня бы и так хватило. Я бы все равно прочла их, услышала о них. Но вот подарок — я их еще и знаю, видела драгоценность человеческих лиц, слышала неповторимость их голосов.

Ахмадулина вспоминает Александра Трифоновича Гвардовского. Ему нравилось называть ее горжественно — Изабеллой Ахатовной, делать комплименты, главный среди них — «любил меня и за то, что не хочу печататься в его журнале». Мог просто подойти и сказать: «Мне кажется, вы нуждаетесь в деньгах». Когда были вместе в Париже, решительно приказал, снова предлагая деньги: «Хочу, чтобы вы купили себе ботинки». «Я, — говорю, — не ношу ботинки». «Тогда полуботинки». Такое вот постоянное соучастие в других.

Время от времени Белла Ахатовна возвращает мыслью к своей соседке Екатерине Александровне Мещерской. «Вы ее непременно должны увидеть, это удивительный человек. Родилась в 1904 году, а отец ее — в 1822-м. Представьте, наша современница, дочь младшего современника Пушкина! Из древнего рода Мещерских, кроме нее, никого в живых не осталось». Помню, о чем бы ни заходила речь, в качестве мерила нравственности тут же приводилось мнение по разному поводу Екатерины Александровны. О литературе — она очень хорошо пишет, но ей совсем не интересно, будет это опубликовано или нет; о национализме — Екатерина Александровна ненавидит людей, которые не умеют любить и уважать культуру другого народа, она с детства так воспитана; о доброте — ей ничего не жаль, все раздала, в доме из старых вещей остался только портрет отца кисти Брюллова...

Главный дар судьбы для Ахмадулиной — Александр Сергеевич Пушкин. Известно: на свете счастья нет, но есть покой и воля. Но она «смеет говорить: нет воли, нет покоя, а счастье точно есть». Для нее счастье — осознанное мгновение бытия. Просто осознать, что он был и есть, что вот уже почти два века, как мы с Пушкиным. «Еще спросить возможно. Пушкин милый, зачем непостижимость пустоты ужасно воображать могилгой? Не лучше ль думать: это там, где ты».

— Знаете, больше всего меня волнует то, что забыто, — эти слова Белла Ахмадулина произносит тихо-тихо, — не провиниться бы перед Пушкиным или провиниться как можно меньше. Тогда и легче жить.

С. ТАРОЦИНА